

ЮЖНЫЙ

*Длинный
список премии
«Национальный
бестселлер»*

РОМАН

ветер

даша
благова

18+

Есть смысл

Даша Благова
Южный Ветер

«ВЕБКНИГА»

2022

Благова Д.

Южный Ветер / Д. Благова — «ВЕБКНИГА», 2022 — (Есть
смысл)

ISBN 978-5-60-455988-8

После смерти матери Саша возвращается в родной город Южный Ветер к брату Жене. Она мечтает вновь обрести дом и себя. Вот только... Женя не говорит, отгораживается от внешнего мира, а скоро и вовсе потеряет дееспособность. Главврач местной психбольницы обещает вернуть Женю к жизни, а Саша открывает в этой больнице радиокружок для пациентов. Но набирающие популярность острые репортажи кому-то в Южном Ветре явно не выгодны... Поможет ли радио пациентам больницы и Жене – или Сашина бездна, в которой плещутся ее темные воспоминания, поглотит всех, кто оказался рядом? Роман «Южный Ветер» вошел в длинный список литературной премии «Национальный бестселлер 2022». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-60-455988-8

© Благова Д., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Даша Благова ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Руководитель издательской программы *Юлия Петропавловская*

Ответственный редактор *Ирина Веселова*

Литературный редактор *Татьяна Бобрецова*

Верстка *Елена Бреге*

Корректурa *Елена Гурьева, Анна Баскаева*

Издательская программа фонда «Нужна помощь»

Публикуется впервые с разрешения автора

Дизайн и обложка *Натальи Агаповой*

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Даша Благова, текст, 2021

© Оформление. БФ «Нужна помощь», 2022

* * *

Пролог

В комнате и раньше бывало шумно, но шумно по-другому. Раньше был упорядоченный шум, стройный, под чутким руководством, по чьей-то указке, согласно регламенту. Пианинный перелив, гитарный трень, театральная реплика, фонограмма из магнитофона и слова «сегодня все молодцы, до встречи завтра». Так продолжалось из года в год. Без сбоев, без ошибок. В комнату не заходили ночью, потому что скорее это была не комната, а класс, кабинет. Или что-то между комнатой и кабинетом – больничное помещение, в котором было предписано заниматься творчеством и уходить ровно в девятнадцать часов, не позднее.

Но случилась ночь, худшая из всех ночей, когда все растрескалось, сломалось, задрезжалось. В комнату набилось безумие, безумные, шумные, бесстыжие, освобожденные, потерявшиеся.

Танцевали последний танец, допевали все свои песни, смеялись за всех, за себя, за других. Чувствовали, что смеха больше не будет, что музыка умрет.

По линолеуму разливался воск, его собирали мужские пальцы с заусенцами и бросали в потолок, на спине лежала девчонка в черном мешке-толстовке и хохотала так, что не видела, лепился ли воск к потолку, потому что от смеха была вся в слезах.

Их было семеро, они были непохожие, они бы прошли мимо друг друга, если бы встретились на улице.

Женщина с шаром из волос, всегда носившая скромно-ситцевое, надевала на себя синтетические блузы, дешевое красное платье, мантию судьи, соломенную шляпу. Она наслаивала одно на другое и разрасталась вширь, становясь похожей на тряпичную ель.

Если бы стены могли чувствовать, им стало бы стыдно за резкие тени, которые лупили по их бежевому тону. За пятно зеленой краски, еще не высохшее. За прильнувшие к ним шкафы, которые стошнило вещами на пол. Эти стены много лет оберегались по графику ответственными за помещение. С достоинством наблюдали за болеющими, выздоравливающими и срывающимися. Теперь они были осквернены и испачканы.

Перемещались лица, иногда сталкивались друг с другом, иногда валились на пол. Гладкие и сморщенные, щетинистые и голые, круглые и овальные. Появилось одно зеленое, с длинным носом, бородавкой, красными глазами и дырками вместо зрачков. Белые лица разбежались. Затем завопили и сбились в кучу вокруг зеленого. Руки разных тел сомкнулись и стали крутиться хороводом вокруг тощего тела с зеленой головой.

Между потолком и полом прыгал звук, бьющий из колонки. Ритм, речитатив, йоу, камон. Он смешивался с топотом и смехом, звоном разбитого стекла. Кто-то качал головой в такт, кто-то зажимал уши, кто-то снова лежал на полу и смеялся. Хоровод разорвался, лица разбрелись.

Тело с зеленой головой залезло в ящик и достало пистолет. Зеленое лицо оторвалось и упало, на тощем теле осталось обычное лицо, с маленькой бородкой. Тело начало дергаться, извиваться, разбрасывать руки и ноги. Лицо смеялось, тело подошло к окну и вытянуло руку с пистолетом.

На улице могло быть совсем темно, если бы не фонарь с оранжевым светом, под которым стоял мальчик лет десяти. Он был совсем один и смотрел на три горящих окна из десятков темных.

Что он хотел там увидеть?

Может, позвать взрослых? Но разве кто-нибудь придет?

Ему нельзя было здесь быть, ему ни в коем случае нельзя было.

Ребенок смотрел на окна и боялся, но уйти никак не мог. Он искал одно конкретное лицо. Пока не находил.

Вытянулась рука с пистолетом. Ребенок раскрыл рот и не смог закричать. Он почувствовал, как внизу спины стало щекотно, а в теле тесно. Ребенок побежал прочь, через поле, кусты и деревья. В его голове было пусто, а руки и ноги лишились костей.

Ребенок не сразу заметил сутулого деда, воняющего водкой, который тащил свое тело по асфальтированной дорожке. А когда заметил, остановился, сел на траву и заплакал. Дед тоже остановился, но плакать не стал.

Если бы ребенок побежал дальше, он наткнулся бы на бетонный забор с завитками колючей проволоки. В ней иногда застревали фрукты и ягоды, падающие с деревьев. Крупные птицы ранили лапы, пытаясь достать эти фрукты и ягоды, хотя возле забора валялось все то же самое и у птиц не было никакой необходимости их доставать.

Забор прилегал к дороге. Побитой, растрескавшейся, в ямках и камешках. Пока дед старался успокоить ребенка, а тот пытался встать и бежать дальше, по дороге тряслась единственная машина, полицейская. В ней сидел человек с погонами.

Одной рукой человек рулил, другой ковырял в зубах спичкой. Он думал, что главная проблема этого вечера была в куске курятины, который застрял где-то чуть ли не возле гланд и уже начинал тухнуть. Но человек в форме еще не знал о предстоящей встрече с ребенком, пьяным дедом и зданием с тремя горящими окнами.

Человек не знал, что его ждет проблема, которая станет главной не только этим вечером. А может быть, и во всей его жизни. Пока он просто ехал в сторону бетонного забора.

Город, в котором работал полицейский, был маленьким и жарким. В нем стояло несколько кирпичных многоэтажек, много панелек и еще больше маленьких домиков, слепленных из глины и соломы. Почти шесть месяцев в году люди томились от духоты, выходили из домов и не знали, куда пойти, кроме лысой площади и жидкого сквера. Люди занимали себя работой, если она у них была, а в свободные часы шатались туда-сюда, прятались на скамейках под виноградниками.

Ночью люди спали, зато со строек, из подвалов, складов, помоек и гаражей выползали уличные животные. Худые собаки, осторожные кошки, ежи, крысы и ящерицы. Пока человек в форме ехал к бетонному забору с колючими завитками, где-то во дворах с дерева упал грецкий орех и напугал кошку, которая тут же спряталась под облупленной машиной.

Город был наростом, гнилой мозолью, вечным прыщом на холме, прислонившемся к горе. Если бы у горы были глаза, она никогда не опустила бы их на этот город. Напуганная кошка, больная птичья лапа, пистолет в руках, рыдающий ребенок, человек в форме никак не могли бы взволновать гору.

На уроках краеведения детям рассказывали легенду про двух джигитов, отца и сына, которые однажды сразились из-за красавицы. Рассекали головы, отрубали мечом руки-ноги, покалечили друг друга – и проиграли оба. Части их тел превратились в горы. Эта гора была сердцем молодого джигита.

Оно билось веками, билось, когда шел дождь, вода стекала вниз, проглатывала камни и землю, становилась сильной и валила деревья. Билось, когда шакалы дрались друг с другом за территорию и слышался визг, вопль, летели клочья шерсти и разрывались шкуры. Когда в одиночестве рожали лисицы и перегрызали пуповины своим детенышам. Сердце горы никогда не замирало.

Гора хранила секреты мертвецов, гниющих или давно сгнивших в ее полях, расщелинах и лесах. Убитых на священной войне, на позорной войне, закопанных тайно, оставленных бесславно, давно и недавно, в папахе и адидасе, со ржавым мечом и золотой цепью. Гора не стала бы рассказывать о своих мертвецах, но лишь потому, что ей было все равно, кто мертв, а кто пока еще жив, ведь даже тот, кто жив, мертвец для горы.

Город рассыпался на камни, черепички, пыль, ржавые осколки. Те, кто с мышцами и костями, уже растворились в земле, на которой стоит гора. Или, может быть, в ней самой. Ору-

щая кошка, мент, пистолет, смертельно напуганный мальчик, сине-красные огни, пара выстрелов и упавшее на бетон человеческое тело. Все это ничего не значило для горы, совсем ничего.

Часть первая

Жене было четыре года, когда в его голове зацементировалось первое воспоминание. В детском саду он вместе с другими детьми склеил из спичечных коробков поезд в три вагончика. Два из них были с открытым верхом – внутри на горки пластилина воспитательница усадила фасолинки. Женин поезд получился таким красивым, что он сразу понял – это подарок для Саши.

Папа часто водил Женю смотреть на поезда к главной городской станции – правда, сами поезда ее в основном игнорировали. Тарахтящие цепи вагонов, короткие и длинные, проскальзывали мимо, к курортам, за гору Остапку, у которой развалился родной город Жени – Южный Ветер. Больше поездов Женя любил только шестилетнюю Сашу.

В их семье новогодние подарки отдавались тридцать первого декабря, под вечер, когда стол уже был заставлен непривычными тарелками из серванта. Нарядная Саша и пока еще домашний Женя сидели у елки и ковырялись в подарочных пакетах с конфетами. Для Жени Дед Мороз оставил под елкой пластикового Человека-паука, шоколадку и краски, для Саши – маленькое полотенце и носки. Мама объяснила, что она уже слишком взрослая и должна принимать полезные подарки. Саша не плакала, но Женя чувствовал, что она злится и хочет заплакать – просто не станет этого делать.

Женя вспомнил про подарок для сестры, вскочил и пошлепал к тайнику в своих полосатых колготках, подтянутых до самой груди. Тайник был в их комнате, а именно в Жениной коробке для игрушек. Женя достал поезд, спрятал за спиной и медленно, чтобы не уронить, пошел к Саше. Он встал перед ней, выпятив колготочное пузико, и сказал:

– Саша, это тебе. От меня. Не от Деда Молоза!

Саша подняла голову – над ее зелеными глазами нависли черные брови. Женя этого не заметил, потому что смотрел на свой поезд, который медленно тянулся от него к сестре. Саша схватила поделку и стала ее разглядывать. Женя был рад и немножко подпрыгивал, предчувствуя, что сейчас все наладится и Саша снова будет веселой. Вдруг Саша отломила от поезда вагончик и посмотрела брату прямо в глаза. Женя вздрогнул. Саша бросила вагончик на пол и с треском разделила еще две коробочки. Выпала фасолинка, стукнулась об пол и упрыгала под тумбу. Рот Жени начал расползаться. Саша разложила перед собой останки поезда и вернулась к конфетному кульку.

Во рту Жени стало горько, а в горле – тесно. Он почувствовал, хотя этого было не видно, как его тело начало исчезать: сначала испарились большие пальцы на ногах, потом ступни, колени. Исчезание пошло вверх, дребезжало, закручивалось, расширялось, удлинялось и почти коснулось живота. Женя шлепнулся на пол и начал плакать – тихо, чтобы не услышала мама: она за слезы ругала. Он стал мять колени, тереть их, нагревать, но ничего не помогало; дыхание Жени раздробилось на маленькие ритмичные звуки, как будто кто-то быстро-быстро резал в салат огурец. Женя поднял голову, чтобы позвать Сашу, и увидел, что она просто смотрит на него – и ничего больше не делает. Тогда Женя лопнул внутри, и из него брызнуло то, что болело.

Сначала прибежал высокий папа в парадной рубашке и трениках с пузырями-коленками. Папа спросил, что произошло, но Саша опустила голову, согнулась краником и ничего не ответила. Женя растянул себя на шершавом ковре и стал бить по нему руками, как придавленная к подоконнику стрекоза, – он испугался, что руки тоже могут исчезнуть. В комнате оказалась мама, сместила папу и нависла над Женей. Она убрала руки за спину, чтобы не трогать сына. Когда мама слышала детский плач, особенно если он был сильным, громким и заталкивался в уши, она переставала помнить, как быть взрослой, но притворялась, что знает, поэтому наращивала на себе ледяную корочку. Мать сумела застыть и сдержаться, но лед на ее спрятанных

за спиной руках все равно позвякивал, ритмично, нервно, хотя никто, кроме нее самой, этого не слышал.

Мама приказала Жене встать, мама напомнила Жене, что он мужчина, хотя Женя, конечно, мужчиной не был, он был всего лишь маленьким и сильно разочарованным, потом мама спросила Сашу, что случилось, но та не меняла позу и продолжала сидеть, худая и сторбленая, перед останками поездочка.

Мама забыла, как быть взрослой, а папа не умел им быть. Он обходил Женю с разных сторон и тянул к нему руки, не зная, стоит ли их куда-то прикладывать, а если и стоит, то куда. На голову, спину, под Женю, вокруг Жени.

Мама отшагнула в сторону и сама этого не заметила. Детский крик совсем набился ей в уши, залез в голову и стал пинаться в череп. Женя не мог ничего ответить, поэтому мама потребовала у Саши сказать, кто виноват.

– Я не могу сказать тебе, мамочка.

Так ответила Саша. Она хотела посмотреть, что будет, если вообще ничего не делать.

Мамин лед стал разогреваться изнутри, вибрировать, по замороженной спине пошла трещина, прямо к голове. С мамы начало капать и слетать кусками. Она мечтала убежать обратно на кухню, к салатам. А лучше на улицу, со двора, на другую улицу, за город, за гору, подальше. Ее собственные дети стали для нее дикими, зубастыми. В голове она подбирала объяснения, но не могла додумать до конца ни одну мысль. Мама выбрала из двух зверей говорящего и осмотрела его сверху вниз, от кудрявого хвостика до розовой рюши, пришитой к краю пышной юбки. Мама заметила остатки поезда, который они с сыном забирали из детского сада, и одна из тысяч ее мыслей наконец додумалась.

– Так, Саша, скажи мне, да или нет. Женя сломал свой поезд, а теперь ноет? Так или нет?

Саша закрыла глаза, чтобы ей было проще и дальше ничего не делать. Женя кончил бить руками и ногами, потому что совсем перестал их чувствовать. Он был четырехлетний, поэтому не мог вместить в себя такое сложное ощущение несправедливости. Его рыдания поутихли, теперь он лежал и булькал.

Мама решила, что она все поняла, папа перестал топтаться вокруг Жени и ждал, что скажет делать мама. Мама крикнула:

– Паразиты!

Объявила:

– Мне это надоело!

И приказала детям идти в комнату – вроде как это было наказание. Но Саша, а тем более Женя (или Женя, а тем более Саша) не пошевелились. Мама сильно нагрелась, и ее ледяная корочка стекла водой.

– Господи! Тогда ты, паразитка, сиди здесь, – мама стреляла пальцем в Сашу, но прицел сбивался, автоматная очередь мазала мимо. – А ты, – прицел пополз в сторону папы, – убери мелкого с глаз моих подальше.

Папа взял на руки тряпичного Женю, прижал к себе и уже в темной детской, чтобы не видела мама, погладил по голове и поцеловал в макушку. Женя задышал обычно. Слезы продолжали выливаться, но теперь они были пустыми, обезболенными, а ноги, руки и живот снова стали теплыми, родными и вполне присутствующими. Папа оставил его на кровати, включил ночник, уложил рядом игрушечную крыску, к ней примостил маленький металлический поезд и, еще раз чмокнув сына в макушку, ушел.

Потом родители занимались чем-то своим на кухне, скрипела папина дубленка, хлопала входная дверь, шуршали пакеты, и снова скрипела дубленка. Потом опять раскрылась дверь и пустила мужские и женские праздничные крики, чпокнула пробка, пробулькала в стекло жидкость, проговорилось что-то нараспевное. Мамины и папины голоса произносили имена

соседей. Потом праздничные крики улетели обратно через дверь, и она закрылась. Остались только мамыны и папины голоса, повеселевшие и смеющиеся, обо всем забывшие.

Саша, не выходящая из большой комнаты, случайно оказалась за новогодним столом. Она ела салаты и грызла яблоко, развернула и надкусила три конфеты из блестящего кулька, смотрела пестрое шоу с песнями и даже несколько раз смеялась. Женя в это время лежал в комнате, катая металлический поезд по телу крысы-обжоры. Потом охнула мама, вспомнив о Жене, за ним пришел папа, схватил, принес к месту праздника и усадил на диван рядом с Сашей. Мама выпила еще две-три рюмки домашней настойки на алыче и совсем развеселилась. Она уложила голову в ладонь, посмотрела на своих детей и сказала:

– Какие же вы у меня красивые. Пусть бы в новом году вы были еще здоровенькие и умненькие.

Папа решил, что это тост, поэтому покрасил мамину рюмку темно-красной наливкой, поднял свою полную бесцветную и сказал:

– Ну, будем.

Родители выпили. Вдруг мама заметила, что стало совсем поздно, и начала готовить детей ко сну. Потом, лежа друг напротив друга в кроватках, дети не спали, каждый – по своей причине. Женю все еще кололо что-то странное, непонятное, незавершенное. Саша же обдумывала план, как дотянуть до фейерверков и посмотреть на них в окно. Через полчаса или чуть больше Женя услышал Сашу:

– Ну хочешь, я тебе свой киндер отдам?

Женя обрадовался, но не смог быстро вынырнуть из-под тяжелого, навалившегося. Он приподнялся в кроватке, вылепил во рту слово и хотел было его выпустить, но Саша уже сказала:

– Как хочешь.

Саша не дотянула до фейерверков и упала в черно-ночное, спокойное и недвижимое. Женя барахтался на сонной поверхности, где мерцали звериные рожи, цветковые завихрения и сюжеты из «Айболита». Он часто раскрывал глаза и моргал, а когда небо стало взрываться неестественным, страшно пахнущим, жгущим глаза, Женя совсем пробудился и схватился за свои прыгающие ноги. Как только дрожь выползла из тела, он пошел искать родителей. В комнате, где обычно спали мама и папа, а этой ночью все пространство заполнил стол, никого не было, а в темноту плевался голубым светом немой телевизор. На кухне было темно, в коридоре тоже, родителей не оказалось дома. Женя вернулся в детскую, постоял у входа, покатался с пятки на носок и пролез в кровать к Саше. Она придавила его рукой, и тогда Женя тоже упал в глубокое-сонное и спокойное, Сашино.

– Я же запретила вам вместе спать!

Мама распечатала их уютное и теплое своим криком, обыденным, но каждый раз впивающимся Жене в голову, живот и горло. Слетело одеяло и отправилось маминой рукой на пол.

– Быстро встали и пошли помогать матери.

В кровати стало холодно, колко и неудобно, на оконные стекла налипали дождевые капли, питавшие во дворе зимнюю грязь, так что на улице не хотелось, лежать тоже уже не хотелось. Саша с Женей выползли из распечатанной материнским криком детской, умылись, попытались как-то сложить и склеить части тела, чтобы не развалиться от позднего засыпания, раннего подъема, усталости, семейного шума, от их душного и тесного детства.

Вы чего копаетесь, кричала мать. Можно поживее, кричала мать. Саше сказали мыть посуду, она встала на табуретку и терла тряпкой салатницу, которая стояла в раковине, она была тяжелой, и Саша не могла ее поднять, поэтому мама говорила, заталкивала в Сашу, что она безрукая, что даже не может помыть нормально тарелку. А кто ее снизу помоеет, Пушкин, что ли. Ты чего встал, Женя, бери полотенце и вытирай. Мама нависала над Сашей, хватала ее за руку, водила Сашиной рукой по салатнице. Вот так надо, вот так! Грохнула посудиною об

обеденный стол, где уже стоял Женя с полосатым полотенцем. Он стал тереть эту салатницу, но получалось плохо, полотенце комкалось в маленькой руке, и все капли оставались на месте, они просто меняли направление и никуда не уходили.

– Ты что, даже вытереть нормально не можешь?

Кричала мать.

– Руки из жопы, что ли?

Кричала мать.

Женя тер, вытирал, натирал, но получалось плохо, плохо.

– Мамочка, можно мне другую тарелку? – спросил Женя.

– У своей криворукой сестры спроси.

– М-м-м-м-ма, м-м-м-м-мама... – затынул Женя.

– Опять буксуешь? Нормально разговаривай или молчи.

Саша вымыла две чашки, и маме не понравилось, как у нее получилось. Потом Саша вымыла три тарелки, и мама сказала, что слишком медленно. Саша ничего не говорила, потому что боялась; потому что все, чего боялась Саша в свои шесть лет, – это разозлить мать, взорвать в ней что-то гневное, яростное, обжигающее. Женя тер вымытые Сашей чашки, но у него снова не получалось, капли снова убегали и не впитывались, а полотенце уже стало мокрым, противным.

Так, сядь, кричала мать, учись как надо. Женя сел, и мать повесила на его плечо мерзкое полотенце. Пользы никакой, просто держи полотенце, пока я его не возьму. Будешь вешалкой. Так, Саша, ты чего опять копаешься. Давай, вот, держи губку крепче. Я сейчас отпущу твою руку, и только попробуй опять быть соплей. Крепче. Увереннее. Давай.

Живее.

Кричала мать.

Живее!

Кричала мать.

Живее, живее, живее!

* * *

Когда Жене было двадцать шесть лет, его мама умерла. В квартире, которая много лет заполнялась только ими двумя, вдруг сталолюдно и шумно. Возникли родственники, которых Женя не видел годами, и соседи, на которых он давно не смотрел.

В городе Южный Ветер с покойниками прощались дома: царапали гробы, поднимая их на тесные этажи хрущевок, втискивали в комнату, где стоит самый большой телевизор, а потом бесславно выпихивали обратно на улицу. Женя стоял перед гробом один. Он медленно вывалил язык и показал его труп матери. В комнату зашла соседка и сказала, что пора. Язык спрятался.

На кладбище взяли гроб, а Женю не взяли, потому что никто не знал, чего от него ждать. С ним осталась соседка из застеночной квартиры, не молодая и не старая, волосы торчат ржавыми пружинами. Она не сразу включила телевизор, потому что решила спросить Женю, что с ним станет. В интернат отправят, да? А квартиру тетка на себя переписет? Женя, конечно, ничего не ответил, и соседка, вообще-то, знала, что так и будет. В пустоту от материнского гроба стал плеваться светом и звуком телевизор.

Вечером стало понятно, что Женю никто из родственников к себе не заберет. И тогда с ним и дальше осталась соседка. Она улеглась на диване вдоль пустоты от гроба. Один раз проснулась и испугалась, забыв, где находится: тряпка, висящая на прихожечном зеркале, показала ей бледным телом.

Саше было двадцать восемь лет, когда умерла ее мать. Она приехала на следующий день после похорон. Сначала вышла из самолета в городе-курорте, утопленном посреди нескольких гор, затем села в электричку. Был самый конец апреля, поэтому Саше пришлось перебросить через руку жарящее шерстью московское пальто. Саша ехала в Южный Ветер.

Этот город был как будто специально плохим, специально худшим городом из всех возможных городов, которые могли бы появиться здесь, под южным солнцем, у высокой горы, среди виноградников, орешников и подсолнухов.

Под ним бурлили минеральные воды, они были и под другими городами, за горой, но южноветровская вода томилась под слоями камней и почвы, бродила где-то внутри, придавленная городом, его асфальтированной площадью, домами-панельками, саманными сараями. Она выходила наружу только в одном месте, специально отгороженном от южноветровчан, в холодном цехе завода по разливу воды. Прежде чем попасть в пластиковые бутылки, вода много раз очищалась, фильтровалась и теряла все то, что в соседних городах выплескивалось в фарфоровые кружки с носиком и радовало курортников: пахучесть, железный привкус, пузырьки воздуха, делающие щекотно в носу. Потом, уже почти обычная, южноветровская вода, запакованная в пленку, сдавленная деревянными ящиками, грузилась загорелыми руками в фуры и разбредалась по всей стране.

Саша ехала в электричке по местности, которая называлась «курортной зоной», потому что там минеральная вода свободно гуляла по трубам, питьевым галереям, иногородним ртам, лечебным ваннам и отдыхающим организмам. Саша смотрела на горы, каких не видела нигде больше, эти горы стояли отдельно друг от друга, обложенные холмами, и были очень разные: скалистые, пушистые, желтые, сероватые. Между ними прорастали маленькие города – белые, аккуратные, с каменными дорожками и каскадными лестницами. Электричка останавливалась на затейливых вокзалах, украшенных завитушками и бронзовыми орлами. Саше нравилось все, что она видела, это было ей близко, приятно, но это было не то, не такое родное, не ее.

Саша поняла, что вернулась домой, когда из-за очередного холма выплыла ржавая труба, плюющаяся чем-то серым. Саша ненавидела эту трубу, но теперь она ждала встречи с ней. Потому что главное, чего хотела Саша, – это увидеть гору с дурацким названием Остапка, которое ей совсем не шло. И под этой горой было много всего, что Саша ненавидела.

Сначала Саша увидела макушку – лысую, острую, короноподобную. Затем холм, за которым пряталась электричка, стал стекать и выравниваться, и Саша смогла посмотреть на нее всю. Ее гору. Гору, к которой она ехала. Гору, которую Саша видела в каждом сне, когда ей снились сны. С одной стороны темно-зеленую, густую, непроходимую, населенную шакалами и хищными птицами. С другой – каменистую, резкую, изувеченную взрывами, ограбленную камнеобрабатывающими предприятиями.

Когда Остапку разрабатывали, Саша еще не родилась, не родилась и ее мать, которая уже успела умереть (Саша почему-то об этом совсем не думала), но Саша была рада, что нашелся человек, остановивший взрывы (именно об этом она думала, сидя в электричке). Этот человек был чиновником, никому не известным, и Саша хотела бы поставить ему памятник, но из города Южный Ветер торчали всего три памятника: Ленину, Лермонтову и генералу Ермолову, про которого Саша знала, что он устроил на Кавказе геноцид.

Саша вышла на станции Южный Ветер, больше с ней никто не вышел. Двери поезда сразу же схлопнулись за ее спиной. На перроне валялись позавчерашние окурки и кофейный стакан. Саша протиснулась через низкое здание, выкрашенное изнутри в больнично-зеленый, и оказалась в городе.

Она решила идти пешком, громыхая маленьким чемоданом по пупырчатому асфальту. Через каштановую аллею, растопырившую соцветия-свечки, через частный сектор, где хрипели и визжали цепные собаки, охраняя хилые домики. Саша прошла через цыганский квартал, удивившись трехэтажному дому за золотым забором, который появился здесь в ее отсут-

ствие. Специально обошла стороной главную площадь, которую ненавидела. Многоэтажки центрального района выглядели такими же потрепанными, скученными и перенаселенными, как и раньше.

Через полчаса Саша оказалась перед девятиэтажным домом, склеенным из серых пористых панелей. Если бы рядом стояли приятные кирпичные домики, он выглядел бы как гнилой зуб. Но у этого района вся пасть была гнилая. Саша рассматривала неаккуратные клетки цементных швов, вечное пятно от мочи, будто выползшее на фундамент дома из-под асфальта, разохшуюся дверь подъезда, от которой пластинами отваливалась краска, и думала, что, войдя в этот дом, можно стать грязной от одного лишь воздуха.

Больше всего Саша радовалась, что труп ее матери уже закопан. Только череп клевала изнутри одна фраза. Ее напечатал родственник, который разыскал Сашу в соцсетях, чтобы сказать о похоронах. «Приезжай, Женя не может сам себя обслужить».

Саша поднялась на второй этаж, протаскивая за собой пластиковый чемодан. Дерматин, приклеенный к двери ромбиками, был точно таким же, как одиннадцать лет назад, когда она убежала из этой квартиры, – добавилось только несколько царапин и побелочных капель. Саша не стала стучать, звонить или боязливо приоткрывать дверь. Саша надавила на ручку, дернула за нее так, что дверь просвистела наружу, и шагнула в квартиру, с грохотом вкатив багаж через обтопанный деревянный порожек.

Внутри все было таким же, как и раньше, панельковым, серым и старым. Саша увидела тряпку, комом прилепленную к стене, сдернула ее, швырнула на бугристый линолеум и столкнулась со своим отражением в зеркале: черная прядь вылезла из высокого хвоста и прилипла к скуле, темная помада сбилась в комки. Саша была красивой и ни разу за всю жизнь не становилась страшенькой – даже в те пару-тройку лет, когда девочки-подростки замазывают прыщи наслонявленной пудрой.

Саша кинула пальто и чемодан у двери и, не разуваясь, толкнула дверь в гостиную, где родители раньше устраивали застолья, а по вечерам раскладывали скрипящий диван. Женя сидел в кресле у окна. Саша замерла. Длинные пальцы, как у нее самой, и черные кудри, только короткие. Они так долго не виделись. Саша сделала несколько быстрых шагов к Жене и остановилась в середине унылой комнаты, проросла в ней чужеземным гибким деревом. Она смотрела на Женю, на его клетчатые тапочки и лоснящиеся треники, на худое тело под белой футболкой. Женя был похож на выросшего сироту, который не знает, что он вырос, и ждет в детском доме своих маму и папу. Саша смотрела на Женю, а он смотрел в себя и совсем не видел ее.

В Сашины уши бросилась южная, одинаково растягивающая все гласные, речь. Саша и Женя были здесь не одни, а втроем. Соседка, которая смятой копией прыгнула на Сашу из ее детства – тело-табуретка и рыжий набалдашник из волос, – стала пулеметить какие-то слова, злые слова, слова-возмущения, слова-обвинения. Вон кто нарисовался. На похороны даже не приехала. Бессовестная. Пришла делить наследство.

Саша не понимала, зачем здесь эта женщина, кажется Люба, и повернулась к Жене, чтобы он объяснил ей хоть что-нибудь. Женя смотрел в себя.

Что с ним? Почему он молчит?

Мы тут с Марьей Алексеевной и Антониной Федоровной как раз про девять дней думали, но тебе-то все равно, ты же за квартирой, теперь-то дядька с теткой точно Женю вашего упекут, когда наследница такая объявилась.

Это точно Женя? Куда его должны упечь?

Саша чувствовала, как в ее животе начинает крутиться то самое, что она не знала, как назвать, то, что быстро разрастается и бьет ей в голову, то, что нельзя контролировать. То, что выливается на людей, которые злят Сашу. Или проходят мимо, когда Саша злится.

– Теперь я здесь живу.

Это было первое, что сказала Саша, появившись спустя одиннадцать лет там, куда мечтала больше не заходить.

– Пошла отсюда вон, иначе вызову ментов.

Соседка задремала еще быстрее, еще звонче, я с ним четвертый день сижу, кормлю его, подтираю за ним, а ты, ты бессовестная, ты, ее голос спрессовывался и врзался в Сашино черное, становился топливом, укрупнял его.

Саша содрала себя с места и пошла прямо на стоящую в проеме соседку, ее каблук вдавливались в линолеум. Соседка, сама не поняла почему, но вдруг испугалась, втопила себя в стену прихожей, волосяная ржавчина приклеилась к обоям. Саша пнула ногой входную дверь и хлопнула по ней рукой, чтобы остановить ее возвращение на место.

– Быстро.

Соседка, заглохшая и примятая, вытекла в подъезд и просунулась в узкое горло своей квартиры, где и застряла. Саша закрыла дверь, немного походила по комнатам, а потом стала всем телом мягкой и оказалась на полу у Жениного кресла. Она начала расспрашивать его, что случилось и как он живет. Попыталась узнать про лекарства. Несколько раз назвала свое имя. Один раз, единственный раз, – имя матери. Потрясла за плечи. Поцеловала. Обняла. Отступила. Снова проросла почти до люстры, заходила по комнате.

– Женя, я теперь живу здесь. Понимаешь?

Неизвестно, понимал ли это Женя. Он продолжал молчать и смотреть в себя. Саша втащила в их старую детскую чемодан – ее кровать была на месте, Женина тоже. В обеих вились одеяльные гнезда. На одной из них, скорее всего, умерла мать. Вероятно, Сашиной. Но лучше бы в больнице. Саша надеялась, что мать все-таки не успела пропитать предсмертным потом, рвотой и другими выделениями, с которыми из нее выползала жизнь, детский матрас, который, конечно, ни разу не чистили и не меняли.

Саша достала из чемодана спортивные шорты и хлопковую майку. Переделалась. Затем прошлась по всей квартире и содрала тряпки с зеркал. Нашла на плите теплый суп, вероятно приготовленный соседкой, и еще чуть-чуть подогрела. Разлила по тарелкам. Пришла в комнату к Жене и потянула его за руку. Он, продолжая ничего не видеть, поднялся, вырос на пару сантиметров выше Саши и пошел за ней на кухню. Взял ложку и стал есть – неуверенно, медленно, по-ребеночьи. Саша смотрела на него и не знала, что ей нужно в этот момент чувствовать. Это был очень изменившийся, растерявшийся Женя.

– Женя, я приехала навсегда.

Саша села рядом на шрамированную подушку кухонного уголка, заклеенную кое-где скотчем, обняла Женю правой рукой.

– Помнишь, что я сказала тебе, когда уезжала? Что вернусь.

Женя положил ей голову на плечо и закрыл глаза. В одиннадцать вечера он сам почистил зубы и лег в постель, забыв, правда, снять с себя одежду и тапочки. Саша решила, что спать в своей детской никогда не будет, поэтому прогрохотала диваном в комнате с большим телевизором, как это делали ее родители много лет назад.

Утром Саша проснулась рано и пошла в ванную. Взяла пакет и свалила в него все, чем пользовалась ее мать: шампунь на еловых шишках, жирные кремы от морщин, кусок вонючего мыла, дешевые маски для лица, тубики с мутной жидкостью и еще десятки банок, этикетка на которых сморщилась и пожелтела. После этого Саша три раза вымыла руки, растирая мыло между пальцами и выскабливая под ногтями. В ванной остались только Сашины шампунь и гель для душа в маленьких флаконах, с которыми пускают в самолет, а также зубная паста и две щетки в стаканчике.

Саша потянулась за своей щеткой и коснулась Жениной – та оказалась влажной. Саша быстро потерла зубы щетиной и пошла на кухню. Там уже сидел ее брат, во вчерашней одежде и тех же тапочках, но умытый. Он смотрел перед собой и снова ничего не видел.

Так Саша поняла, что Женю придется кормить. Скорее всего, три раза в день.

В тот же день Саша узнала, что если Женю отвести за руку в душ, то он сам помоеется и потом наденет трусы, заранее сложенные Сашей на стиральной машинке. Но складывать грязное белье в машинку Женя сам не станет. Еще Женя может одеться, но только если оставить на его кровати одежду ровно в том порядке, в котором ее нужно на себя натягивать. Если положить сначала футболку, затем штаны и сверху носки, ничего не получится, штаны должны лежать в основании.

Больше всего Саше не понравилось, когда она повела его, уже одетого, к выходу из квартиры, и Женя сел на придверный табурет и уложил кисти рук на колени. Потому что Саше пришлось всовывать его ступни в пятнистые от грязи кеды и зашнуровать их. Выйдя из подъезда с плетущимся за ее спиной Женей, она почувствовала, будто тянет за собой телегу с камнями и, кажется, будет тянуть ее теперь всегда.

Когда Саша села в такси, чтобы ехать в московский аэропорт, у нее впервые за два дня спешных сборов появилось время, чтобы подумать о том, какой будет их встреча с Женей. Она ехала через стесненные домами улицы своего и до сих пор не своего района, отворачивалась от рекламных вывесок, заползающих ей под веки, чувствовала, как Москва, безгорная и бесприродная, которая все эти годы наваливалась на нее насильственно, совсем не по-родственному, и не давала дышать, теперь сползает ошметками, слоями. Саша ехала и думала о том, что брат не раскинет руки в стороны при встрече, не будет говорить ей, как сильно соскучился. Они не общались много лет. В конце концов, Саша специально пропустила похороны матери. Она ждала, что Женя устроит ей бойкот, отвернется при встрече и уйдет, может быть, даже станет кричать и скажет то, что Саше будет трудно вынести, и уже в самолете она придумывала, как будет объясняться, но не говорить, что о чем-то там жалеет. Саша была готова даже переночевать в отеле несколько дней или снять квартиру. Совершенно точно – отказаться от наследства. Налаживать отношения с братом потихоньку.

Она представляла, что как-нибудь придет к нему с бутылкой вина (ведь так делают, когда хотят помириться), расскажет, как ей было больно. Как тяжело поначалу жилось одной в Москве. Как ей каждый раз снилась гора. Как она думала о брате, постоянно думала, скучала, но не могла, не могла быть ему сестрой.

Но он просто молчал. Он даже не был Женей.

...Саша злилась. Она не просто шла – била асфальт ногами, месила внутри себя мысли, каждая из которых была чернее черного. Саша хотела вырвать из асфальта приподъездную лавку, швырнуть в чье-нибудь окно, чтобы она влетела внутрь и расколотила бы все цветочные горшки, раскидала бы по полу землю и листья, а лучше разбила бы аквариум с бестолковыми рыбками, которые запрыгали бы по линолеуму, а потом сдохли.

Панельный микрорайон, в котором выросли Саша и Женя, торчал над южной зеленью неподалеку от главной городской площади, задушенной асфальтом. Шагнув на ее горячее тело, Саша сразу же заметила торговый центр, воткнутый слева, – в уродливых вывесках, таращащих свои синие глаза-окна и пожирающий людей ртом-вертушкой с четырьмя языками. Когда-то на его месте был маленький пруд, куда они с папой и Женей ходили кормить уток, но потом пруд засыпали. Однажды Саша шла мимо пруда во время его высушивания и увидела утиный труп. Хотя и без этого прошлого торговый центр был просто уродливым и портящим вид на Остапку почти из любой части города. В детстве Саша решила, что всегда будет ходить по другой стороне. Она бы и сейчас сюда не пошла, но в конце площади торчала ржавая остановка, скрытая за желтыми и белыми, новенькими и побитыми маршрутками, которые тараканами расплозились по всему городу и за его нечеткие одноэтажные границы.

Саша и Женя пошли к остановке. На середине пути Саша развернулась и посмотрела на открывшуюся наконец гору Остапку. Ее правый, лесистый склон всегда был темнее городских деревьев. Когда дул сильный ветер, зелень перекатывалась волнами и встречалась со скалами,

открытой раной Остапки, местом, где ее кожа была содрана, где торчали ее каменные зубы, высушенные ветром. Слева, у края, торчал самый большой зуб. Местные называли его «чертов палец», но Саша еще в детстве придумала ему свое прозвище, его же она повторила сейчас про себя несколько раз: дедушкин нос, дедушкин нос, нос дедушки, дедулин носик. У Саши и Жени никогда не было дедушек. Но однажды Саша нафантазировала себе дедушку. Он был курносый.

Саша очень хотела наверх, к Остапке. Сашины злость, боль и еще злость на пару секунд исчезли. Но потом к ней подошел Женя с опущенной головой. И все вернулось.

Саша поняла, что для начала, для того чтобы встретиться с ней, надо вытащить Женю из самого себя, вообще как-то понять, что делать дальше. Поэтому снова продолжила бить асфальт ногами прочь от Остапки.

Саша не помнила, какая именно маршрутка везет в психиатрическую больницу, пощупала взглядом просыпанных на площадь людей. Она хотела спросить водителей, дымящих в тени единственного на площади дерева, но заметила, как ее куснул взглядом самый пузатый, котоподобный и старый. Саша отвернулась и в нескольких шагах от себя увидела тележку с надписью «Квас». За ней, под широким потертым зонтиком, сидел светловолосый мальчик лет двенадцати и читал книгу. Саша подошла к нему:

– Здравствуйте!

Мальчик вздрогнул, будто в него брызнули водой, и быстро посмотрел по сторонам.

– Простите, что отвлекла от чтения, – сказала Саша.

Маленький Женя все время читал. Наверное, лет с четырех. Потому что когда Саша пошла в школу, она таскала ему книжки для внеклассного чтения, которые стояли на полке «Первоклассникам».

– Ничего страшного! Желаете квас?

Потом Женя сам пошел в школу, он стал любимчиком библиотекаря (она же числилась соцработником и, кажется, завхозом). Саша тоже много читала, но ничьей любимицей не была.

– Может быть, на обратном пути, – сказала Саша.

Интересно, а Женя помнит вообще, как читать? Вдруг тоже разучился?

– Вы не подскажете, на какой маршрутке можно доехать до психиатрической больницы?

– У вас там, наверное, дача, да? На сто второй, мы тоже в ту сторону ездим.

Когда Саша попрощалась и ушла, мальчик не сразу вернулся к книжке. Он смотрел на высокую девушку и не верил тому, что она обратилась к нему как к взрослому. Потом ее съела побитая маршрутка, и мальчик снова стал читать.

Маршрутка была почти полной, поэтому Саше и Жене достались худшие места, спиной к водителю. Пенсионерка в газовом платке потрясла кулаком с монетами в сторону Жени и попросила передать за проезд. Женя молчал и смотрел в себя. Тогда пенсионерка крикнула Жене так, будто он плохо слышит, но в Жене ничего не изменилось. Пенсионерка вся сжалась лицом и снова крикнула в Женю, ты что, умственно отсталый. Саша, уже дважды пытавшаяся перехватить старухины деньги, теперь схватила ее за запястье и вдавила в него ногти. Кожа старухи была сухой и отклеивающейся от тела. Старуха заверещала, заохала, и тогда Саша бросила в нее словами: «Я же сказала, что передам». Из-за кресельно-человеческого забора вылез водитель и выдохнул в Сашу, что с пожилыми так нельзя. Саша распустила пальцевые мышцы и отвернулась к окну.

Маршрутка взревела и затряслась по южноветровским трещинам. Когда закончились многоэтажки и за окном потянулись сначала плотно стоящие, а затем прореженные огородами частные домики, машина стала подпрыгивать и грохотать.

Саша представила, что слева от нее никого нет, просто пустое кресло. Она вообразила себе затертое тысячами задниц сиденье, засохшую козявку под ним и пятно на тканевой обивке в ромбик. И Женя исчез.

Саша вдруг увидела. Поля с высокой травой, речку, которую в ее детстве называли вонючкой, хотя она такой не была. Речка появлялась в скрытой за Остапкой горах, обнимала ее и показывала всем свои круглые камешки. Местами поля взрывались садами, где отцветали алыча и абрикос. Кажется, впервые за два дня Саша улыбалась. Она радовалась, что вернулась, что теперь живет здесь, что, заглянув через сиденья в заднее окно маршрутки, может увидеть Остапку.

Потом пейзаж разбила бетонная стена винно-водочного завода. Точно, вот почему речка-вонючка. Саша ненавидела завод, и это было то небольшое, что объединяло ее с другими жителями Южного Ветра. Завод был уродливый. А еще от него воняло. Если дул северо-западный ветер, весь город морщил нос.

Маршрутка вытряхивала из себя людей по одному или по два, и вскоре в ней остались только Саша, Женя и старичок с задних кресел. Саша с Женей вышли на остановке «Психиатрическая больница» и поставили себя через дорогу от бетонного забора – его тело изнутри растягивал живой, дышащий сад.

В жизни Саши снова появился Женя.

– Тебе деньги сложно передать? Рука отсохнет?

Саша развернулась так резко, что ее волосы хлестнули Женину шею, и шагнула с остановочного бордюра на дорогу.

Металлические ворота больницы, выкрашенные в коричневый, были открыты. Справа от них висела синяя табличка с надписью: «Государственное бюджетное учреждение здравоохранения. Краевой клинический психоневрологический диспансер по Крестопольскому краю». Слишком длинное название. В Южном Ветре говорили: «По тебе Суворовка плачет», потому что рядом был поселок Суворовка.

От ворот поднималась дорожка, чьи плитки лежали так плотно друг к другу, что между ними не пролез бы и муравей. Она подтолкнула Женю и Сашу к мосту, который расставил ровные ноги над рекой. Здесь вода, пролезшая через винно-водочный завод, стала мутной и буровой.

Каждый раз, когда они приходили сюда вместе с матерью и Женей, Саша представляла, как она делает что-нибудь дурное, чтобы не выплеснуть на мать то самое чувство, которое нельзя контролировать, и в то же время следила за движениями Жени, чтобы в нужный момент взять его за руку, шепнуть что-нибудь, пошутить. Мама стыдилась Жени и хотела, чтобы хотя бы в психиатрической больнице он выглядел самым нормальным, она шикала, цокала, дергала его за одежду, а когда никто, кроме Саши и Жени, не слышал, плевалась в него оскорблениями.

Взрослый Женя просто шел, никаких особых движений не делал, держался позади от Саши ровно на три шага.

Саша забыла, как выглядит Суворовка, но помнила ощущение грязи, тесноты, духоты, тюремности. Теперь ничего такого не было. Она шла по идеально слепленной мозаичной дорожке, которую с обеих сторон прижимали желтые тюльпаны. Вокруг рос образцовый сад, где все деревья были умеренного роста, с побеленными стволами, подпиленные и подвязанные в нужных местах. Саша вышла к газону, он был поделен на треугольники сеткой бетонных дорожек. Нигде на юге Саша не видела таких плотных, причесанных газонов. Он закрашивал собой большое пространство от сада до главного корпуса.

Главный корпус был высоким, многооконным, желтостенным. Он выглядел как настоящий дворец и вписался бы со своими колоннами и мраморными львами в какое-нибудь Царское Село. Папа рассказывал Саше, что в конце позапрошлого века архитектор из Петербурга спроектировал многокорпусный, размашистый и нарядный санаторий, но из-за своих габаритов тот не смог бы устоять на холмистом предгорье Остапки, поэтому его построили подальше, в долине реки. Только отдыхающим хотелось быть ближе к горе, минералке и лесу, поэтому непопулярный санаторий на отшибе скоро превратили в лечебницу на отшибе – психиатриче-

скую больницу номер один. Не в пример санаторию она стала популярной, потому что была единственной в крае. Сюда съезжались пациенты со всех южных городов. Здесь же проходили практику большинство студентов-психиатров и студентов-психологов. Многие так и оставались жить поблизости. Поэтому в каждой южноветровской школе работало по психологу и детей все время кто-нибудь консультировал. Свой психолог был даже на вино-водочном заводе.

Саша и Женя дошли до высоких мраморных ступеней главного корпуса и взобрались на крыльцо. Саша схватила горячую медь ручки и потянула на себя. Вдруг ее оттеснил все время плетущийся позади Женя. Саша пошла за ним и оказалась в просторном полукруглом холле. В золотом паркете отражался свет от бронзовых плафонов, а бежевые стены были такими чистыми, ровными и небожничными, будто ждали приезда высокопоставленных курортников. Справа и слева висели огромные картины с горными пейзажами, а напротив входа, в полукруглом углублении, развалил свои подушки бархатный диван.

Саша не успела ничего рассмотреть или потрогать, потому что ей пришлось бежать за Женей, который отлепился от нее и помчался налево по коридору. Саша нагнала его у двери в туалет, из которого вышел сутулый мужчина в гавайской рубашке и протянул руку Жене. «Здорова, бандит!» – сказал мужчина. Женя кивнул и пожал его руку.

Саша растерялась. Что это за психушка, где все как в санатории? Почему Женя жмет руку какого-то мужика, а на нее даже не смотрит? Но, получается, он в принципе способен жать чью-то руку? Саша решила наблюдать и просто идти за Женей.

Женя дошел почти до конца коридора, обставленного мягкими скамейками, и сам открыл предпоследнюю дверь – из нее на Женю и Сашу вылились пианинное клацанье и волнистый хор голосов, это был музыкальный класс. Женя зашел внутрь и уселся на один из стульев для зрителей, Саша сделала так же. Это была большая, очень светлая комната с тюлевыми шторами и трехметровым антикварным зеркалом в деревянной раме. В блестящий паркет вдавливался черный инструмент, на пуфике перед ним впивалась пальцами в клавиши худая женщина. Она подпрыгивала и дергала головой, поворачиваясь к человеческому ряду, вышедшему что-то про летние деньки и ручейки. В хоре было семь человек, очевидно пациенты, и Саша удивилась: поющих можно было спутать с педагогическим коллективом или бухгалтерским отделом, репетирующим номер для капустника. Игравшая на пианино закончила, встала, хлопнула в ладоши и улыбнулась – Саша увидела, что половина зубов у нее золотые. А теперь еще разок, мои хорошие, сказала женщина, и Саша дернула Женю за футболку так, что он качнулся: Саша больше не смогла бы слушать завывания про ручейки. Женя повернулся и впервые посмотрел Саше прямо в глаза, обычно, голо, безоценочно, но – в глаза. Саша вздрогнула.

Женя встал, Саша тоже, вместе они вышли из музыкального класса в коридор и закрыли за собой дверь. Саша никуда не пошла, встала, попыталась еще раз поймать Женины зрачки, но его взгляд уже всосался внутрь. Саша выискивала хоть что-то жизненное, заглядывала в Женино лицо, наклоняла голову, мяла его ладонь своей, как вдруг в пространство вокруг них воткнулся белохалатный человек. Он был нестарый и симпатичный, в дорогих очках, представился Георгием Андреевичем, лечащим врачом Жени, и спросил, кто такая Саша и где Женина мать.

– Я родная сестра Жени. Мать умерла.

Да вы что, какое горе, примите мои соболезнования, очень жаль, как же вы с Женей похожи, в общем, я думаю, нам надо поговорить, пройдемте ко мне. Все вместе они поднялись по лестнице и заняли собой стулья в кабинете с большим окном, сели по разные стороны баррикады-стола, разделяющего человеко-пациентское и медицинско-рецептурное. Через стекло искрилась психбольничная идиллия: пациенты в одинаковых синих пижамах ковыряли сад и клумбы так, будто делали это по своей воле.

Саша потребовала ничего не говорить о покойной матери, Георгий Андреевич согласился. Тогда Саша поинтересовалась, давно ли он лечит Женю. Врач ответил, что лет шесть. Саша спросила, когда Женя замолчал. Врач сказал, что речь пропала два года назад. Внезапно? Не совсем. Почему? Если коротко, то из-за семейной обстановки, которую нельзя назвать терапевтической, но все гораздо сложнее. Что мне делать, спросила Саша. Обязательно давать Евгению лекарства, ответил врач. Я выпишу рецепт. Он начал хлопать по столу ладонью в поисках ручки. Нашел и стал что-то писать. Саша молчала. Она была разочарована, сама не знала почему. После паузы спросила, можно ли чему-то научить Женю, врач потребовал уточнить, что она имеет в виду.

– Утром я расчесывала ему волосы. А если не дать труссы, он будет весь день голый.

Врач склонил голову набок, нахмурился, сделал вид, что думает (Сашу это разозлило), и сказал, что не вправе давать оценок (конечно) и судить (а можно ближе к сути?), но был знаком с их мамой (не повезло), поэтому, хотя это все же оценочное суждение (да господи!), ему кажется, что общество Саши может быть для Жени более поддерживающим (ха-ха), правда, не следует забывать, что мама была значимым родственником для Евгения (была да сплыла), а сейчас он ее лишился, так что надо быть с ним осторожнее и не давить.

– Почему Женя в больнице такой самостоятельный? Ему что, здесь лучше?

– В прошлом году Евгений посещал дневной стационар и показывал положительную динамику, но сейчас, к сожалению, мест нет.

Георгий Андреевич снова стал писать (Сашина пятка отбивала лезгиночный ритм). Когда место на серо-желтой бумажке закончилось, врач начал дергать за ручки ящичков и с грохотом задвигать их обратно. Потом раскопал во внутренностях стола печать и стукнул ей так, будто хотел проделать в рецепте большую дыру. Врач взмахнул листком и протянул его Саше. Она привстала, взяла листок и положила на колени.

– Нам также нужно проговорить важный вопрос, – сказал врач. – Евгений все еще имеет дееспособность. Мы с вашей мамой запустили процесс, но, как вы понимаете...

– Даже не буду слушать вас дальше.

Сашин брат быть инвалидом не мог. Он поправится, он сможет, это уже понятно: если жал руку сумасшедшему мужику в гавайской рубашке, значит, дома его просто забили и затерли. Саша встала, Женя поступил так же. Врач сделался прямее.

Саша и Женя спустились на первый этаж, вышли из главного корпуса, преодолели огромный газон, затем сады, мостик и каменную дорожку, разделявшую сочность и пышность психбольничного двора на две одинаковые половинки. Шагнули за ворота на пыльный гравий у побитой дороги. Саша заметила бордовую машину с шашечками на макушке, которая хромала в их сторону. Подняла руку. Залезла внутрь, потянула за футболку Женю, он тоже залез. Назвала адрес. Машина допрыгала до панельки и вытолкнула из себя Сашу с Женей. Саша встала у подъезда и поняла, что совсем не хочет, не может заходить в него. Они с Женей стояли еще несколько минут. Вдруг Саша схватила за плечи Женю, который снова спрятался в себе, и сказала самым ласковым голосом, на который была способна:

– Женюля, ты помнишь, как я рассказывала тебе про горных птиц и скалы?

Она пыталась зацепить его плоский взгляд своим острым, но ничего не получалось.

– Помнишь наши сказки про гору? Про то, как она оступилась, упала и стала Остапкой? Женин взгляд стал чуть выпуклым и нашел Сашин.

– Женя! Ты же никогда там не был! Пойдем!

Саша взяла Женю за руку и потянула. Он посмотрел ей прямо в глаза и пошел вперед. Они шагали по двору, Саша стала рассказывать свою детскую сказку, Женя один раз улыбнулся. Дошли до конца двора и свернули за угол. Отодвинулись их дом и соседний. Они оказались у пешеходного перехода. Саша увидела кусочек Остапки и вся будто расширилась, удлинилась, стала большой и сильной. Саша шагнула на дорожный асфальт, но вдруг в руке

сделалось больно. Саша снова уменьшилась и обернулась. Женя остановился перед бордюром и держал Сашину ладонь так, будто хотел выжать из нее сок.

– Ты чего?

Женя нахмурился и замотал головой.

– Пойдем, Жень!

Женя отпустил Сашину руку и обхватил себя.

– Ну пожалуйста, пойдем. Можно хотя бы погулять.

Женя продолжал мотать головой, хмуриться и обнимать себя.

– Не пойдешь?..

Саша выпарила из себя нежность и почувствовала, как внутри нее все высушивается и чернеет. Выкрикнула:

– Мы с тобой второй день вместе, но ты меня уже достал!

Понеслась в сторону их подъезда.

Женя выровнялся и пошел за ней.

Потом Саше стало стыдно, она извинилась перед Женей в тот же вечер и даже включила для него мультики, которые, правда, Женю не заинтересовали.

Саша решила так: она наберется терпения. Станет хорошей сестрой, как и должна. Не будет давить – по совету врача. Позаботится о Жене, как только сможет. Каждое утро Саша бежала за свежим хлебом: ей показалось, будто Женя обожает трогать и жевать теплый мякиш. Раз в два-три дня ходила на рынок, где брала овощи, фрукты, ягоды, а также рыбу, курицу, крупы и сыр. Все это она делала вместе с Женей, который не оставался дома один и хорошо знал именно эти маршруты: супермаркет он, например, посещать отказывался, как и косметический магазин (из-за этого Саша мазала лицо чем-то дешевым, что нашла на рынке). Саша понимала, что топчет те же дорожки, что ее мать, и ей это не нравилось. Она не хотела делать что-либо как мать, поэтому прогоняла эту мысль и приучилась считать, что поступает так, как лучше Жене.

Еще Саша училась готовить. Свой третий суп она сварила всего за час, он получился даже вкусным. Курицу и рыбу она в основном жарила, потому что не понимала, как зажечь их духовку. Она помнила, что в ее детстве скручивалась газета, поджигалась и подносилась к какой-то дырочке, но у Саши ничего не вышло. За завтраком они хрустели хлопьями, пока те не раскисали в молоке, Женя все заедал хлебом.

Прогресс наметился и у Жени. Например, он научился забираться на диван с ногами, когда Саша выкатывала ревуший советский пылесос. Они стали лучше понимать друг друга – точнее, Саша начала все чаще догадываться, чего хочет Женя, а он через раз реагировал на ее просьбы, выраженные одним лишь голосом, без всяких потягиваний за руку или футболку. Вскоре Саша придумала упражнение: она выходила ненадолго на лестничную площадку, оставляя Женю у самого входа, и закрывала за собой дверь. Стояла там, пока Женя не бросит на пол тяжеленный словарь Ожегова – это был сигнал, что пора возвращаться. В первый раз он не выдержал и минуты, но уже вечером, после вкусного ужина и чая с пирожным, простоял целых две: Саша включала секундомер на телефоне. Потом они достигли пяти минут, затем даже десяти. К последней отметке, пятнадцатиминутной, Саша и Женя шли несколько дней. Но все получилось, и уже через две недели их совместного житья Саша смогла сама выбегать по утрам за теплым хлебом.

Они вместе смотрели фильмы. Внимательнее всего Женя вглядывался в сложные драмы и триллеры, а на фантастике, снятой по комиксам, он заворачивался внутрь и думал о чем-то своем. Саша и Женя дважды в день выходили на улицу, чтобы просто погулять. Пределы двора с той стороны, откуда торчала Остапка, Женя все еще не пересекал. Зато в направлении площади, то есть противоположном, шел бодро. Правда, Саша избегала площади и нагромождения торгового центра, так что бродили они в основном по панельковым дворам.

Сначала Саша думала, что сойдет с ума от такой жизни, но с Женей происходили явные перемены. Саша вглядывалась в него, в его лицо, движения, в их отношения, улыбки, в их вечера и обеды, и очень скоро цель вернуть себе брата стала для нее самым интересным на свете делом. Саша как будто решала головоломку, проходила квест, искала пасхалки и артефакты. Она ни о чем больше не думала и хотела разве что ускорить Женино оживление, чтобы посмотреть, какой же ее жизнь станет тогда. Саша чувствовала себя так, будто строит ракету.

Девятого мая они вышли из дома сразу после завтрака и услышали музыку из старых фильмов про войну – это праздновали День Победы. Женя потянул Сашу за руку и довел до площади; Саша не сопротивлялась, потому что ей тоже было интересно посмотреть на праздник. Напротив торгового центра вырастили сцену из металлических палок, затянутую сзади и сверху триколорным брезентом. В глубине сцены на стульях сидели три старичка с цветастыми орденами на пиджаках, которые были им велики, и держали ветки сирени, она в те дни цвела в каждом дворе. На передний план, к микрофону, вышел пузатый мэр, имени которого Саша не знала, и проревел на всю набитую людьми площадь: «Дорогие южноветровчане!» Из Саши прыгнул смешок, Женя улыбнулся и посмотрел ей в глаза. Саша сказала, что у живущих здесь очень нелепое название, и Женя кивнул.

Потом они вместе наблюдали за тем, как «достоинейшие ученики шестой школы» вчетвером затащили на сцену большой картонный танк с надписью «На Берлин» и поставили его перед ветеранами. Как к микрофону вышли подростки в камуфляжной форме и исполнили песню из современной мыльной оперы про армию. Как ветеранам вручили комплекты постельного белья и полотенца. Саша все время смеялась, а Женя посматривал на нее и улыбался: он заражался ее настроением и чувствовал, что ему весело, хотя, возможно, понимал, что ничего веселого во всем этом нет. Они отправились домой, не дождавшись окончания торжественной части. Уходя с площади, Саша забросила руку на плечи Жени, он сжал ее болтающуюся кисть своей ладонью. В тот день Саша чувствовала, что скоро все наладится, а она сама становится будто бы добрее: например, уже здороваются с соседями и даже заводит с ними короткие разговоры о жаре и продуктах.

Спустя почти неделю Саша решила ненадолго оторвать от себя Женю и провести время если не с горой, то хотя бы с предгорными холмами. Она зашла к той же соседке Любе – ее лоб был в новых коричневых пятнах от хны – и попросила «оказать услугу», протянула денежную бумажку. Соседка согласилась, тем более что раньше, когда мать была жива, она много раз оставалась с Женей бесплатно. Договорились на два часа, но Саша вернулась минут через тридцать, не успев даже дойти до последних растрескавшихся домиков на окраине города, потому что разволновалась за Женю.

Поднявшись на свой этаж, Саша увидела, что дверь в их квартиру приоткрыта, а перед ней на лестничной площадке стоит табуретка, на которой пружинится соседка. Она заметила Сашу, вскочила и заверещала, что это Саша его испортила, что у нее уже возраст, чтобы в подъезде тут мерзнуть, что... Саша рассмеялась, ей стало правда смешно: на улице было тридцать градусов.

– Чего смеешься! Он мой телефон в окно выбросил! Хватит позориться! Ты и меня позоришь перед всеми соседями!

От этих слов Сашу будто слегка подбросило. Точно таким же тоном, точно возле этой двери другая женщина говорила, что Саша ее позорит. Соседка продолжала вываливать на Сашу восклицания, выговаривать, что при матери он был спокойнее, что это он сейчас выкинул телефон, слава богу, телефон не разбился, потому что упал в траву и со второго этажа, а потом бросит телевизор кому-нибудь на голову – и тогда что? – это он скоро квартиру сожжет и весь этаж – а ей что? на улице жить? с таким-то психом по соседству?

– Еще носится зверем из угла в угол, разве что матом не орет, спасибо, что немой!

Саша почувствовала *это*. Она знала, что на решение проблемы у нее есть секунды. Понимала, что нельзя ссориться с соседкой. Представила, как берет ее за горло и сильно бьет головой о стену. Как на стене остается красное пятно. Как она бросает соседку на пол и ставит на нее ногу.

Так Саша выиграла секунд пятнадцать.

Она сказала, очень спокойно сказала:

– Приношу свои извинения. Я заплачу вам двойную ставку.

– Да не нужны мне деньги твои!

– Пожалуйста, идите отдыхать, я вас прошу.

Соседка обрезала свои звуковые волны, выпрямилась, зацепила табуретку одной рукой и вкатилась к себе в квартиру.

Саша зашла домой и чуть не наступила на осколки старой кружки с котенком, из которой, кажется, никто никогда и не пил. Женя зыркнул на Сашу из гостиной, заваленной диванными подушками и какими-то книжками, тут же расслабил все мышцы, свалился в кресло и положил ладони на колени. Саша прошла по всей квартире и вернулась в прихожую. Двигалась медленно и выглядела спокойной.

Внутри Саши раскалывались горы, осыпались скалы, валуны летели вниз и уничтожали дома. Потом в одну секунду стало темно. Саша заорала. Не словами, не междометиями, не матом, а звуком. Страшным, громким.

Женя подбежал к Саше, и она его толкнула.

Саша взяла с пола осколок кружки с котенком и вжала его в кожу другой руки. На ее внешней стороне были старые белые полосы, про которые Саша уже забыла. Она убрала осколок (рука осталась целой), встала, ушла в ванную и включила воду. Женя вернулся в кресло и снова стал смотреть в себя.

Через полчаса Саша зашла в гостиную, уложила все подушки на место, а книги пнула ногой в сторону советской стенки. Села с прямой спиной на диван.

– Женя, посмотри на меня.

Саша была уже обычной и говорила обычно, даже чуть тише обычного. Женя поднял глаза и сфокусировался на ее лице. Его собственное лицо тоже было обычным.

– Я думаю так, Женя. Ты просто ленивый, ничего не хочешь делать сам, вот и вцепился в меня.

Саша почувствовала, как ее руки стали сами подпрыгивать на диване, и она сжала их в кулаки.

– Посмотри на себя, ты же никто, обычный нытик. Разве мама тебя таким сделала? Меня же не сделала.

Саша встала и посмотрела на Женю сверху. Он перевел свой взгляд на ее новое местоположение.

– С этого дня все будет по-другому, понял?

Вечером Саша не стала кормить Женю и ничего не съела сама. Оба легли спать голодными. Женя положил себя под одеяло прямо в джинсах: Саша не сказала их снять.

Поели они утром, но свежего хлеба на столе не оказалось. И молоко для хлопьев у Жени было холодным. Не нравится – погрей сам, сказала Саша, хотя Женя, как это чаще всего и бывало, не выразил никакой эмоции. Хочешь выглядеть как человек – возьми из шкафа одежду, крикнула Саша из гостиной, где переодевалась сама, в сторону кухни. Женя не пошевелился. Потом Саша куда-то позвонила и назвала адрес, они спустились и сели в такси: наряженная Саша спереди, несвежий Женя сзади. Саша сказала водителю ехать в старый город, который под горой, Женя поднял глаза на ее блестящий затылок, с которого стекали черные кудри.

Когда автомобиль пересек запретную черту, Женя стал трогать себя руками за плечи и вертеть головой. Давно здесь не была, решила прогуляться, подмигнула Саша таксисту, тот

улыбнулся и посмотрел на нее всю. Когда автомобиль приблизился к последним перед трассой обшарпанным домикам, Женя начал плакать. А чего это с ним, спросил водитель. Так, баловство, сказала Саша. Женя совсем заревел, когда автомобиль пересек протекающую мимо города трассу и жиденькую лесополосу за ней. Там начинался старый город – благородное и мертвое место, кладбище курортной жизни. Вот здесь выходим, сказала Саша, сдачи не надо.

Саша и Женя остались на поделенной трещинами дороге, которую надламывали корни, трава и крохотные кустики. Они были здесь единственными людьми. Их стискивала разгулявшаяся по обочинам зелень, в которой не было просвета. Кусты и деревья страстно обнимались и хлестали листьями летающих жуков. Саша улыбалась так, как не улыбалась с самого приезда в Южный Ветер – а может быть, и с отъезда из него. Женя весь скукожился и трясся. Саша повернулась к нему и убрала улыбку:

– Женя, я тебя люблю, но не такого, как сейчас.

Саша говорила спокойно, отрезая от брата ломтями все, что осталось после поездки в такси.

– Это твоя новая жизнь, и у тебя нет выбора, потому что ты больше никому в этом мире не нужен.

Место было очень хорошее, замечательное место, из тех мест, что Саша любила, из тех мест, что были забыты другими людьми. Раньше здесь ходили женщины в пошитых специально для поездки платьях и мужчины в слишком коротких шортах, учительницы на пенсии в вязаных крючком шапочках и отставные военные с палками для скандинавской ходьбы. Здесь были процедуры, грязелечебницы, короткие романы, многозначительные танцы на верандах, здесь ходили медленно и все время вверх-вниз, икры ног быстро крепчали и становились золотистыми. Здесь много спали, правильно ели, соблюдали режим, ставили галочки в курортных картах и ездили на экскурсии.

Саша все это прекрасно помнила, хотя никогда не видела. Последний санаторий закрыли, когда Саша была подростком.

В южноветровском предгорье не было источников, бюветов и каптажей, гора была всего одна, причем такая, что забраться на нее нельзя – слишком крутая – и подходить лишний раз не хочется – жутковата. Курортники потянулись за Остапку, туда, где подземные воды не томились под землей, как в Южном Ветре, а каждая горка была разрисована терренкурными дорожками.

Саша пошла вверх. Столетние домики, двухсотлетние домики, брошенные и заросшие, снова облеплялись желтой, розовой, зеленой штукатуркой, в складках вензелей рассасывалась пыль, у скульптур отрастали носы, уши, руки, лапы, хвосты. Саша все это видела. Видела, как стекла возвращались в оконные рамы, как расцветали клумбы.

Саша знала, что происходит с Женей. Знала, что он смотрит под ноги, только под ноги, что он слышит Сашу, но не может поднять голову. Знала, что под Жениными кедами расползаются битый камень, муравьи и птичий помет, но он не видит ничего, кроме собственных шнурков. Саша всего один раз оглянулась, чтобы заметить, как Женины ноги стали железными и тяжелыми, как он не хочет идти вперед и не может вернуться, поэтому стоит, и тогда Саша пошла дальше, наверх, быстро и не оборачиваясь. Саша знала, что Женя не останется совсем один, что его ноги сами заскрипят по невидимым следам Саши.

Вырос первый большой санаторий, затем второй – оба гордые и заброшенные. Саша оказалась у нижнего пролета каскадной лестницы, немного покрошенного в своих каменных швах, но еще крепкого. Она взлетела по нему, едва касаясь ногами. Женя, волочась за Сашей, еле поднялся, споткнувшись дважды. У него закончились слезы, он стал сохнуть изнутри.

Саша прошла мимо бронзового орла, который вцепился в маленькую искусственную скалу неизвестно сколько лет назад. Вспомнила детскую фотографию, на которой стоит рядом с папой прямо возле этого орла. Она подошла ближе и погладила самый крупный нижний

камень – хотела даже поцеловать, но не стала. Вспышка в памяти. Папа встает на этот камень своими длинными ногами, и весь Сашин мир кренится, потому что она на папиных плечах. Саша плачет (уже совсем стерлось, почему), и папа сажает ее прямо под крыло к орлу. «Видишь, какие все на самом деле маленькие? – говорит папа. – А ты самая большая, ты сильнее и смелее всех». Фотографии того момента у Саши не было, такое нельзя было сфотографировать. Но она все помнила.

Саша знала, что происходит с Женей. Когда Женя еще говорил с ней, давно, в Сашиной позапрошлой жизни, он рассказывал про свой самый сильный страх, когда желудок скручивается жгутом, в легких начинает свистеть и хлюпать, потом заканчивается воздух, а тело заковычивается и сшивается. Саша знала об этом и все равно шла дальше, наверх.

Остапка, гора Остапка. Дедушкин нос, чертов палец. Лесистая кожа, скалистая рана. Зайцы, лисы, шакалы. Кровоток по корням деревьев. Саша видела ее, чувствовала ее, шла к ней, почти не смотря под ноги, которые сами перелетали через все дыры, камни и вздыбившиеся ступени каскадной лестницы. Рядом так же летели ее детские ноги, подростковые ноги, ноги, несущие ее тело наверх в худшие дни, и папины ноги, самые длинные и сильные, что Саша видела в своей детской жизни. Все они шагали тут же, одновременно, подгоняемые Сашиной силой, которая много лет была закопана здесь, у горы, и теперь вырвалась наружу.

Саша тянулась к Остапке всей своей жизнью, она снова стала большой, просто огромной, мощной и не чувствующей жары.

Когда проходили мимо площадки со старым фонтаном, Женя остановился, сел на корточки, обхватил голову руками и немного покачался. Саша не могла видеть этого спиной, поэтому Жене снова пришлось кое-как распрямиться и пойти за уменьшающейся Сашей. По пути он один раз упал и содрал с ладони кожу. Царапины начали жирнеть от крови.

Потом Саша оказалась на самом верху лестницы. Встала у кромки брусчатой площади, придавленной сверху еще одним фонтаном с каменными лицами старцев. Саша выбрала остаток кирпичного строения, который был толстым огрызком стены, и забралась на него. Здесь, наверху, танцевал ветер: Саша чувствовала, как он вдувается ей в пальцы рук и ног, заполняет все тело силой. Саша смотрела на Остапку, Саша хотела плакать. Впервые за много лет ей правда было хорошо.

Женя дополз до Саши, сел на землю прямо у обломка, на котором она стояла, и прислонился к нему щекой.

Саша увидела большой камень, отколовшийся от Остапки, наверное, сотни лет назад, а совсем рядом с ним – рыжую лисицу. Ощутила, как к голове поднялся жар. Спрыгнула с кладки и осторожно, чуть нагнувшись, протянула руки в сторону зверя. Лисица переминалась с лапы на лапу. Она сделала шаг навстречу Саше.

Женя издал крик – громкий, настоящий. Крик, с которым совершенно случайно вылетела маленькая часть страха. Он смог наконец посмотреть на Сашу, и Саша тоже посмотрела на него – самыми злыми глазами. Лисица постояла еще секунду и убежала. Саша отвернулась от Жени и быстро пошла вниз.

Как-то они дошли до жиденькой лесополосы, росшей вдоль трассы, как-то сели в такси, доехали до дома и поднялись в квартиру.

Вечером Саша накрыла на стол. Усадила Женю перед тарелкой. Саша забрасывала в себя мясистые помидоры, обтекающую жиром курицу, крупные куски хлеба. Женя просто смотрел в тарелку.

– Старый город обветшал, скажи?

Саша продолжала жевать, посматривая на Женю.

– Вот бы кто-то взялся за него и отреставрировал.

Женя начал мелко трястись.

– В целом погода сегодня была хорошая, не слишком жарко. Если так пойдет, сможем хоть все лето гулять.

Женю заколотило. В его глазницах блеснули белки. Ресницы схлопнулись, и Женя сполз на пол. Саша вытерла руки полосатым полотенцем и положила его на угол стола. Вытащила из кармана домашних шорт телефон и набрала номер скорой помощи.

* * *

Другие дети не очень любили Сашу и Женю, потому что не понимали их игр. Соседские девчонки и мальчишки бросали друг в друга мячи, много бегали, обзывались, иногда притворялись взрослыми и пьяными. Саша и Женя каждое утро отправлялись в приключение. Все начиналось так: Саша выбегала во двор и заявляла, что сегодня они пираты, и тогда Женя говорил, что он будет вторым капитаном. Или же Саша сообщала, что они будут лесными эльфами, и Женя сразу лез на дерево. Весь день они сражались с врагами, которых выдумывала Саша, искали сокровища по Сашиной карте или умирали от жажды на сложном, проложенном Сашей пути по пустыне. Другие дети называли их чокнутыми, но негромко, потому что Саша могла и врезать.

Женя подчинялся Саше и никогда не знал, чего от нее ждать. Например, Саша иногда просыпалась в плохом настроении, не говорила с Женей полдня, и тогда они сидели дома. Бывало и так, что Саша подговаривала Женю сбежать в соседний двор или даже на другую улицу; Жене приходилось соглашаться, хотя он знал, что их накажут. Зато Женя мог угадывать мысли Саши, чувствовать ее чувства и болеть ее болями. Женя ощущал себя как часть Саши, ее слепок, рисунок. Он знал: так и должно быть. Саша говорила много и почти только с Женей, поэтому Жене казалось, будто он умеет видеть ее глазами, слышать ее ушами и, при желании, окажется в любом отрезке Сашиной жизни. Он подробно помнил весь Сашин первый класс, хотя из собственного первого класса мог пересказать только две истории: как получил пятерку по рисованию, хотя всем поставили четверки, и как накопил на столовскую пиццу, а потом ей же и отравился.

Саша пошла учиться в самую обычную школу. Пятилетний Женя отправился на торжественную линейку вместе с мамой и папой, чтобы посмотреть на Сашу-первоклассницу. Она должна была пройти за ручку с учительницей по всему двору, а потом забраться на плечо почти выпускнику и потрясти колокольчиком. Ее сразу сделали главной, потому что на вступительных испытаниях Саша оказалась самой умной, а еще, хоть об этом никто не говорил, самой красивой.

Когда перед линейкой Сашу вместе с ее будущими одноклассниками съело здание школы, Женя почувствовал себя половинчатым. Он прижался к маме, но она ничего не заметила, потому что поворачивала голову туда-сюда, рассматривая других мам. Из больших колонок зашумело чьим-то голосом, и все уставились на коричневую дверь, из которой вот-вот должны были выйти первоклашки и очертить прямоугольник школьного двора, плотно обставленный взрослыми и невзрослыми людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.